

А.Г. Федорова

**Изменение категориальной семантики
неопределенного местоимения «некто»
в сказке «Некто»: причины и функции
(на материале «Сказок для вундеркиндов»
С.Д. Кржижановского)**

Статья посвящена изучению причин и функций изменения категориальной семантики неопределенного местоимения «некто» в сказке «Некто» из цикла С.Д. Кржижановского «Сказки для вундеркиндов». Автор пытается ответить на вопрос, что в лексической и грамматической семантике местоимения-существительного «некто» послужило основой для выбора героя, как на протяжении повествования меняется значение слова.

Ключевые слова: «Сказки для вундеркиндов»; категориальная семантика; неопределенное местоимение «некто».

Проза С.Д. Кржижановского все еще остается недостаточно изученной, хотя корпус новелл и повестей писателя постепенно входит в сферу филологического анализа (см., например, [4]). Необычное мировидение автора ярко раскрывается уже в одном из первых сборников — «Сказки для вундеркиндов». В «Сказках...» главными (а иногда и заглавными) героями, определяющими основы сюжета произведения и специфику его текстовой структуры, становятся весьма необычные сущности: «Чуть-чуть», «Якоби и “Якобы”», «Жизнеописание одной мысли», «Поэтому», «Путешествие тени», «“Некто”», «Страна нетов» и т. п.

На изменение категориальной семантики разных частей речи указывает употребление слова в не свойственной ему форме (например, множественное число наречия «чуть-чуть» и слова-отрицания «нет»), функции (имя собственное и наречие выступают как однородные в «Якоби и “Якобы”»), контексте («Жизнеописание одной мысли», «Путешествие тени»). Все приведенные слова выступают в «Сказках...» как субстантиваты, т. е. играют роль существительного.

Но местоимение «некто» и так относится к разряду местоимений-существительных, оно указывает на лицо и мотивировано местоимением «кто». По лексико-грамматическому разряду «некто» относится к неопределенным местоимениям [6: с. 538].

Е.В. Падучева, изучающая семантику и функции неопределенных местоимений, подчеркивает: неопределенные местоимения указывают на то, что референт (предмет, к которому отсылает местоимение) или его свойства неизвестны участникам речевой ситуации [5]. Однако между «некто» и «кто-то» есть существенные различия: *некто*, в отличие от всех других неопределенных местоимений (кроме «некий»), не употребляется в конструкции с *из* (ср. *некоторые из них, кто-то из них, кто-нибудь из них, кое-кто из них*, но **некто из них*). Это значит, что «некто» не обозначает элемент, выделяемый из множества, а сразу обозначает прямо не называемый объект [5]. Нужно отметить еще и такой «субстантивный» признак «некто», как то, что оно допускает субстантивное приложение (эпитет) [5]. Отметим также, что местоимение *некто* стоит особняком среди неопределенных местоимений и вследствие специфики морфологических признаков: оно имеет только форму им. п., т. е. не склоняется [6: с. 539].

Таково положение местоимения «некто» в системе языка. Что же меняется в нем, когда оно становится главным героем произведения?

Во-первых, в тексте «Некто» употребляется в кавычках, вследствие чего «разрушается стандартное семиотическое отношение, которое по умолчанию реализуется говорящим (пишущим)» [3: с. 192], и на само слово падает логическое ударение. На наш взгляд, знак препинания является «показателем приблизительности номинации, к числу которых относятся, наряду с графическим знаком кавычек, также лексические (как бы, так сказать, так называемый и др.)» [3]. То есть «Некто» не просто некто, а как бы, якобы «некто», а на самом деле — «кто» или «никто»? Ответ на этот вопрос и составляет смысл произведения Кржижановского.

Во-вторых, будучи именем главного героя, слово «Некто» пишется с заглавной буквы как имя собственное.

Кроме того, представляется, что характеру героя дает начало наличие такого грамматического признака, как несклоняемость.

Так, в первом же абзаце новеллы, в котором «приготовишка» старается представить себе образ человека из учебника по арифметике, оказывается, что «некто», как это ему и положено по правилам русской грамматики, не склоняется: *...главы странной повести о жизни и приключениях таинственно-го «Некто»* (род. п.). В сказке есть еще несколько контекстов, в которых на падеж «некто» указывает не форма слова, а соотносимые с ним слова: *нанятых «Некто»* (тв. п.); *Я не встречал <...> «Некто»* (вин. п.); *<...> я видел «Некто»* (вин. п.). Как кажется, именно грамматическая характеристика неопределенного местоимения *некто* (неизменяемость) послужила основой образа

человека «Некто»: он тоже не склоняется перед человеческой бедой, ратуя за *порядок*, который отождествляет с арифметикой: «Пусть берут, мне цифр не жалко, но нужен порядок...» [1: с. 213].

Сюжет сказки — четыре встречи с «Некто», каждая из которых углубляет конфликт между античеловечной «математичностью» мышления, когда цифры затмевают мир, и «аматематичностью» человека (ребенка – юноши – воина – гражданина). Столкновение становится открытым уже со второй встречи, когда молодой человек противопоставляет стремлению к упорядочению бытия свободу чувств. На «математическое» ерничанье «Некто» («любите <...> первую “единственную”, вторую “единственную”, третью “единственную”... Которая сейчас?») человек отвечает: «...сердце, господин «Некто», не счетная костяшка, вдетая на стержень. <...> Ударам сердца счета не веду» [1: с. 214]. Но «Некто» этот счет ведет, и за цифрами уже не видит никого и ничего: «Вы молчите, вы думаете, мне легко: тысячелетие к тысячелетию, век к веку, год к году, — и в каждом, вы только подумайте, 525 600 минут, нет — 31 536 000 секунд, и все они одинаковы, понимаете, одинаковы и пусты. Один — меж миллиардов пустот» [1: с. 214]. «Некто» предстает как единственная реальность в мире мнимостей, хотя и противопоставляет себя как личному, так и отрицательному местоимениям: «Меня нельзя называть “Кто”, я — “Некто”. Одною лишь буквою отделен я от...» [1: с. 215]. «Кто» — это, вероятно, тот, у кого есть душа и сердце.

«Некто» смотрит на мир *сквозь синие стекла очков* [1: с. 211]; сначала кажется, будто он прячется от мира: *серое, спрятавшее свои глаза за стекла очков лицо*; и в конце, после революции рассказчик предполагает: *в подполье <...> боится...* Но глаз своего «героя» Кржижановский не показывает, в связи с чем нельзя не вспомнить, что, по Л.Н. Толстому, глаза — зеркало души. Вывод об отсутствии души у «Некто» напрашивается сам собою. И, может быть, именно поэтому он не в *подполье*, и не он *боится*, а его боятся.

В начале сказки образ «Некто» рождается из тетради (те же серый и синий цвета). Однако стоит отметить, что в момент появления «Некто» проигрывает сравнение с тетрадью: тетрадь, в которой был записан ответ «две целые две трети работника», «недоуменно глядела <...> своими серыми цифрами сквозь синие клеточки» [1: с. 211]). Недоумение, конечно, не сочувствие, но и не насмешка, с которой «Некто» обращается к гимназисту. В этой насмешке чувствуется та жесткость, которая в сцене с нищенкой уже воспринимается как жестокость, и то превосходство над людьми, право на которое «Некто» обосновывает во время второй встречи (*все они одинаковы, понимаете, одинаковы и пусты*).

В сюжете сказки «Некто» постепенно занимает все более значимые жизненные позиции. Если в первой части он был властен только над гимназистами, которые занимаются по учебнику арифметики, над нищенкой с детьми, то в третьей бездушие правит миром, вернее — войной. В этом эпизоде у «Некто» появляются синонимы — *кто-то* и *какой-то некто*, что указывает

на множественность такого рода людей, для которых за цифрами — пустота: никого и ничего. Другими словами, «Некто» у Кржижановского, в отличие от языкового «синонима», который не может употребляться с предлогом *из* и не образует ряда, само является началом или даже основой серой безликой массы *каких-то некто* (отметим, что определение к неопределенному местоимению «некто» в русском языке возможно только в постпозиции: «некто Иванов», «некто в сером» и т. п.). Но если вне контекста кажется, что *какой-то некто* звучит пренебрежительно, то в сказке, скорее, угрожающе трагически: *какой-то некто* «подсчитывал» убитых, «и колонки цифр, одетых в серое, карандашного цвета сукно, сощелкивались прочь с земли; и убитая цифра покорно лежала под ворсящееся травинками зеленое сукно полей» [1: с. 216].

Наложение двух образов — щелканья счет на сукне стола и гибели людей на полях сражений — создает потрясающий эффект обличения душевной слепоты *каких-то некто*, которые не видят людей за подсчетом «штыков». Отметим характерный для С.Д. Кржижановского морально-нравственный подход к семантике слова: свойственное полисеманту «штык» значение «стрелок-пехотинец при указании количества бойцов (*воен.*)» [7: URL], предопределяющее «арифметическое» отношение к жизни, возмущает автора: «...было удобно считать эти торчмя торчащие в воздухе ряды стальных заостренных единиц: там, под штыками, что-то копошилось, крестилось и охало, — но штыки одинаково чернели одинаковыми остриями» [1: с. 216].

Но Кржижановский приводит в сказке и точку зрения человека — того, кто держит в руках этот штык: «как ясно чувствовалось тогда, что в каждом дне 86 000 секунд, страшно длинных, и что каждая замахнулась на твою жизнь нулем» [1: с. 216]. Здесь арифметика иная: если «Некто» воспринимает «штыки» как что-то неодушевленное, безликое, то солдат видит в каждой *страшно длинной* секунде войны опасного врага (*замахнулась на твою жизнь*). И если для «Некто» секунды *одинаковы* <...> *одинаковы и пусты*, то для человека они переполнены страхом смерти.

Спецификой неопределенного местоимения «Некто» является в сказке противоречие между полной определенностью характера и совершенной неопределенностью внешнего облика. Если в задачах из «Арифметики» местоимение «некто» имеет значение «все равно кто», то в сказке С.Д. Кржижановского герой приобретает совершенно определенные черты характера и должен был бы начать классифицироваться как известный рассказчику, но он по-прежнему остается тем же «Некто» из задачника. При этом черты его внешности практически не прописаны, т. е. неопределенность облика для автора принципиальна. Причин нам видится, по меньшей мере, две. С одной стороны, неопределенность облика выходца из иного, чуждого, страшного мира свойственна русскому национальному сознанию (вспомним чудище, чудо-юдо, идолице поганое и др. См. об этом: [2]). У того, что угрожает миру, нет имени, нет внешних черт, поэтому кажется, что с ним нельзя бороться.

С другой стороны, невозможность пластической завершенности образа создает ощущение множественности в мире враждебного жизни, равнодушного, безликого, серого. То есть внешний вид у многочисленных «Некто» может быть разным, но «арифметическая» философия — одна.

Обратим внимание, что в сказке С.Д. Кржижановского значимы противопоставления не только между «Кто» и «Некто», но и между «Некто» и «Никто» (хотя в сказке и есть недоговоренность, но смысл умолчания раскрывается однозначно) и его функциональным аналогом — нулем. Интересно, что «Некто» проходит путь от «Никто» ко «Все», минуя стадию «Кто». Именно поэтому (т. е. из-за того, что он не «кто») он равнодушно посылает людей на смерть («В 4.30 наступать <...> Не щадя...»), поэтому он глух к просителям («Вы вычеркнуты из списка, товарищ; ничего не могу... Следующий»). «Некто» добивается того, к чему стремится «Якобы» в «Якоби и “Якобы”»: «Мне нужно — “я” мира, не строчное “я” <...> а заглавное, мировое “Я”» [1: с. 218]. Но если «Якобы» стремится, уничтожив других, править миром, то у «Некто» это получается как бы само собой: сетуя на «аматематичность» мышления человека и стремясь к «арифметическому» порядку, он как бы невольно оказывается у руля власти. Но получается так именно потому, что «Некто» отказывается видеть в человеке личность, для «Некто» все *одинаково пусто*: «Числа – числа – числа: и каждое притворилось <...> работником; сыном, братом, человеком» [1: с. 215]. И самое страшное для «Некто», что и он пуст. Свой внутренний нуль, который заменяет душу, «Некто» пытается наполнить как можно большим количеством цифр (*1000 – 2000 – 100 000 штыков; 525 600 минут, 31 536 000 секунд*), но математический закон непреложен: сколько ни умножай на нуль, в итоге нуль и остается.

Если в сказке «Якоби и “Якобы”» у «Якобы» есть сильный противник, который не позволяет отрицанию овладеть миром, то в «Некто» побеждает отрицание: вокруг себя «Некто» видит только пустоту. А если в мире нет ничего истинного, то и жалеть не о чем. Склоняться незачем.

«Некто» очень интересный персонаж. Он уже и не абстрактный «некто», не известный никому и не важный ни для кого, но и не конкретный «кто». «Некто» — по своей форме уже человек, однако, по сути, он никто, у него нет души. Данный герой явно перекликается с героем сказки С.Д. Кржижановского «Квадрат Пегаса». Хранитель Ивана Ивановича свидетельствует «смерть души», ему врученной, т. е. человек умирает для чего-то более высокого, поскольку умирает его душа. «Некто» же, напротив, приобретя образ человека и хорошее положение в обществе, душу так и не нашёл.

Слова-герои сказок «в кавычках» («Якобы», «поэтому», «Некто») не случайно характеризуются отрицательной коннотацией: они воплощают чуждые Кржижановскому деструктивные начала, которые губят все живое. Возведенные в абсолют сомнение во всем и непоколебимая вера в то, что «арифметика» правит миром, одинаково губительны для человека: они либо подтачивают

личность изнутри, либо делают невозможным ее пребывание в бесчеловечном мире «математичного» мышления.

Сказка «Некто» — это своеобразный апофеоз мнимостей, кажимости слов. В отличие от «Якобы», которое не смогло покинуть листа бумаги, и «поэтому», которому хоть и удалось проникнуть из письма в сердце поэта, но которое все же было возвращено в свою плоскость, «Некто» удается покинуть страницу задачника, стать трехмерным, обрести человеческий облик и даже высокое положение в обществе. Слово из задачника получает возможность *решать* судьбы людей.

Итак, неопределенное местоимение «Некто» в роли главного героя меняет свою категориальную семантику (приобретает определенность) и расширяет контексты употребления (становится основой ряда, допускает определение в препозиции: *какой-то некто*). Омонимичность грамматического термина «склоняться» и этого же слова в основных его значениях (хотя они и отсутствуют в тексте) постулируют, на наш взгляд, особенности характера героя (нежелание «склоняться» ни в одном из «человеческих» значений: никому и ничему, кроме арифметики, он не подчиняется; ни к кому не испытывает почтительного уважения; не признает ничьего авторитета). Изменившаяся роль «Некто», который раньше «властвовал» лишь над учебником, подчеркивается в последнем абзаце при помощи силлеса: «Некто» мог *решить мою судьбу, как простенькую приготовишкину задачу*.

Библиографический список

Источники

1. *Кржижановский С.Д.* Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. СПб.: Symposium, 2001. 687 с.

Литература

2. *Гин Я.И.* Из наблюдений над грамматической категорией рода в русской народной сказке // Проблемы поэтики грамматических категорий. СПб.: Академич. проект, 1996. С. 9–25.
3. *Зализняк А.А.* Семантика кавычек // Труды международной конференции «Диалог-2007». М.: РГГУ, 2007. С. 188–193.
4. *Короткова А.Г.* Теоретические основы изучения персонификации в «Сказках для вундеркиндов» С.Д. Кржижановского // Вестник МГПУ. Сер. «Филологическое образование». 2013. № 2. С. 76–81.
5. *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотношенность с действительностью. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 288 с.
6. Русская грамматика: науч. тр.: в 2 т. / Е.А. Брызгунова, К.В. Габучан (ред.). Репринтное издание. Т. 1. М.: ИРЯ им. В.В. Виноградова, 2005. 1496 с.
7. Штык // Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл.; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. Энциклопедиум. [Электронный ресурс]. URL: enc.biblioclub.ru/Termin/1208537_SHTYK (дата обращения: 23.04.2017).

References

Istochniki

1. *Krzhizhanovskij S.D.* Sobr. soch.: v 5 t. SPb.: Symposium, 2001. T. 1. 687 s.

Literatura

2. *Gin Ya.I.* Iz nablyudenij nad grammaticheskoj kategoriej roda v russoj narodnoj skazke // Problemy' poe'tiki grammaticheskix kategorij. SPb.: Akademich. proekt, 1996. S. 9–25.
3. *Zaliznyak A.A.* Semantika kavy'chek // Trudy' mezhdunarodnoj konferencii «Dialog – 2007». M.: RGGU, 2007. S. 188–193.
4. *Korotkova A.G.* Teoreticheskie osnovy' izucheniya personifikacii v «Skazkax dlya vunderkindov» S.D. Krzhizhanovskogo // Vestnik MGPU. Ser. «Filologicheskoe obrazovanie». 2013. № 2. S. 76–81.
5. *Paducheva E.V.* Vy'skazy'vanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'yu. M.: E'ditorial URSS, 2001. 288 s.
6. Russkaya grammatika: nauch. tr.: v 2 t. / E.A. Bry'zgunova, K.V. Gabuchan (red.). Reprintnoe izdanie. T. 1. M.: IRYa im. V.V. Vinogradova, 2005. 1496 s.
7. Shty'k // Tolkovy'j slovar' russkogo yazy'ka: v 4 t. / pod red. D.N. Ushakova. M.: Sov. e'ncikl.; OGIZ; Gos. izd-vo inostr. i nac. slov., 1935–1940. E'nciklopedium. [E'lektronny'j resurs]. URL: Enc.biblioclub.ru/Termin/1208537_SHTYK (data obrashheniya: 23.04.2017).

A.G. Fedorova

Change of Categorical Semantics of the Indefinite Pronoun «Someone» in the Tale «Someone»: Causes and Functions (Based on «Fairy Tales for Whiz Kids» by S.D. Krzhizhanovsky)

The article studies causes and functions of categorical semantics change of the indefinite pronoun «someone» in the tale of «Someone» from the series of S.D. Krzhizhanovsky's «Fairy Tales for Whiz Kids». The author tries to answer the question of what lexical and grammatical semantic features of the indefinite pronoun «someone» were the basis for the choice of hero, as throughout the narrative, the word meaning is changing.

Keywords: «Fairy Tales for Whiz Kids»; categorical semantics; indefinite pronoun «someone».